

МЕСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ КАК МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И РОССИИ (XVI – XIX ВВ.)

Международная конференция 4./5. Сентября 2019 г., Москва, ГИИМ

Организаторы ГИИМ Москва, EHES Paris, Universität Bonn,
Universität Paris 8, UQAM Montreal, CEFR Москва,

Концепт:

Ekaterina Makhotina / Falk Bretschneider
Natalia Muchnik / Vincent Milliot / Pascal Bastien

Пространства заключения Средневековья и Раннего Нового времени уже давно привлекают усиленный интерес историков в Германии, Англии (Spierenburg 1991, Finzsch/Jütte 1996, Weiß/Scheutz/Brunhart 2010), а также уже несколько лет российских (Shalyapin 2013, Akelyev 2012, Pavlushkov, 2013) и французских исследователей (Heulant-Donat/Claustre/Lusset 2011). Новые исследования ориентированы на преодоление традиционной перспективы, в которой средневековые места заключения являлись лишь неполноценными «предшественниками» современных тюрем и других учреждений для управления с маргинальностью, возникших в XIX веке.

Благодаря подходу, который интересуется прежде всего практиками и микротехниками создания и развития мест изоляции, предметом анализа новых исследований становятся *уникальные свойства* этих институтов, к которым относятся как традиционные тюрьмы, так и монастыри, госпитали, клиники, работно-воспитательные дома.

Принимая во внимание этот очень гетерогенный набор институтов необходимо поразмышлять об общих практиках этих мест и поставить вопрос, какими методами эти практики переносятся с одного места на другое, и каким образом они вписаны в более широкие социальный и политический контексты. Благодаря сравнительному подходу, исследующему отношения между различными культурными пространствами, заостряется аналитический взгляд и ставится вопрос о 1) общих структурах; и 2) о конкретной специфике конфессиональных границ; а также 3) о распространении практик и представлений между этими пространствами.

Особенно плодотворным подходом для реализации этой программы является рассмотрение *практик пространства* (Bretschneider 2008, Bretschneider/Claustre/Heulant-Donat/Lusset 2018). Именно через призму *пространства* проявляется «родственная связь» (Treiber/Steinert 2005) между различными, закрытыми от внешнего мира местами изоляции. Это можно продемонстрировать на материальном примере таких архетипов как стена, келья / камера, которые существовали не только в монастырях, но и в многочисленных госпиталях и работно-воспитательных домах раннего нового времени, и оставили след в архитектуре тюремных зданий XIX века. Другим примером могут являться практики приема пищи и молитвы в работно-воспитательных домах, которые своим закреплением в пространстве напоминают модель монастырского быта. Третий общий признак многих мест заключения, включая средневековые монастыри, - это их многофункциональность и разнородность их обитателей, отражающаяся в стратегиях как заключения, так и передвижении в пространстве.

Исходя из этого, запланированная международная конференция ставит своей целью обмен новыми данными по истории заключения в Средние века и в Раннее Новое время. Наш исследовательский взгляд сфокусирован, во-первых, на переносе средневековых практик на пенитенциарные тюремные институты модерна. И во-вторых, через

сравнение России и Запада мы хотим рассмотреть эти специфические культурные феномены вне национальных парадигм и поразмышлять о трансфере практик. Конференция впервые сводит вместе исследователей из России, Германии, Франции, Канады и Швейцарии для обсуждения их исследовательских результатов, теоретических и методических проблем.

Концепция конференции исходит из давно распространенного понимания того, что *техники заключения* отнюдь не являются продуктами современности, но имеют структурное сходство с монашескими практиками контроля и покаяния, а также с ожиданием спасения, восходящими к средневековью (Goffman 1961, Foucault 1972). Исходя из этого, светские институты лишь унаследовали формы, логики и практику религиозного дисциплинирования. Монастырь как место внутреннего уединения, *claustrum*, являлся образцом для практик и техник заключения. Но то, каким образом эта трансформация произошла, до настоящего времени не исследовано должным образом - между монастырем и «тюрьмой» до сих пор существует *missing link*. Несмотря на то, что монастыри издавна обладали специальными помещениями для провинившихся монахов и монахинь, *carcer* (Lusset 2017; Shalyapin 2013), но это еще не делало монастыри «тюрьмами». А в новых пенитенциарно/тюремных учреждениях, вне сомнения, продолжались старые практики и техники религиозно мотивированного уединения от мира, покаяния, хотя эти учреждения монастырями уже не являются. Выработка чувства стыда и вины также является частью институциональной программы (например, в специфическом целеполагании как воспитание чувства вины) (Kollmann 1999; Frevert 2017). Как же из монастырей вышли принципы современных тюремных институтов? Нашим предварительным ответом может являться наблюдение мультифункциональных институтов заключения Раннего Нового времени, в которых смешивались *светские* и *сакральные* логики.

К таким институтам принадлежали прежде всего сами монастыри. Они служили во Франции, как и в католических регионах старой империи Габсбургов, а также в дореволюционной России, комбинированными институциями, которые связывали между собой каритативные, религиозные, пенитенциарные, дисциплинирующие функции. Монастыри в России были не только обителями для монахов и монахинь, но и функционировали одновременно как места наказания за морально-нравственные, уголовные, политические преступления; как места изоляции для политических оппонентов; как богадельни для больных или душевнобольных людей; как места воспитания сирот. Во многих протестантских регионах Европы этого времени все эти функции были у работно-воспитательных домов, у *maisons de discipline* во Франции, *Zuchthäuser* в Германии, *Bridewells* в Англии, *Tuchthuizen* в Голландии. Таким образом, мы имеем дело с феноменом, переходящим культурные и конфессиональные рамки, чьи четкие контуры, структурные условия и способы функционирования еще не изучены с позиций сравнения истории России и Западной и Европы. Таким образом, от наших дискуссий можно ожидать интересных импульсов для развития международных исследований.

Ставя во главу угла „многофункциональность“ в качестве центрального маркера практики заключения в Новое время, мы хотели бы освободить нашу перспективу от привычных узких рамок национальных историографий или истории институтов.

Данное Информационное письмо приглашает исследователей (включая молодых ученых), которые работают над темами, которые еще не находятся в поле зрения организаторов.

При этом должны быть рассмотрены следующие вопросы:

- Какие институциональные типы в раннее Новое время связывают практики лишения свободы с другими различными функциями (религиозными,

благотворительными, пенитенциарными и т. д.)? Можно ли их классифицировать? Как обосновывается многофункциональность и как она связывается с организацией окружающего общества?

- Как религиозная и светская практики и методы объединяются в этих институтах, можно ли их отделить друг от друга? В каких взаимоотношениях находятся социальные, научные и религиозные поля знаний?
- В каких архитектурных пространствах расположены эти учреждения и как эти пространства организованы? Когда они появляются и распространяются? Создаются ли они специально или используются существующие здания?
- Как отражается многофункциональность организации каждого учреждения: различные подразделения, различные группы заключенных, организация повседневной жизни, экономической и религиозной деятельности?
- Какие последствия имеет многофункциональность для социальных отношений в институции? Являются ли группы обитателей / заключенных строго отделенными друг от друга или они пересекаются? На каких процессах категоризации они основаны? Предоставляет ли многофункциональность возможность для действий или ограничивает ее? Какие последствия она имеет для процессов развития истории заключения?
- Какие связи существуют между этими учреждениями? Есть ли кадровые трансферы, обмен практиками или общими представлениями? Какие социальные группы являются инициатором таких трансферов?
- Какую роль играют конфессиональные различия, а также распространяющиеся в Европе идеи Просвещения, в развитии учреждений?
- Какие сходства, а также различия в практиках можно обнаружить между Западной Европой и Россией? Можно ли найти примеры контактов (например, посещение отдельных учреждений), которые позволяют сделать вывод о том, что отдельные элементы практики лишения свободы были импортированы / экспортированы из Европы в Россию и наоборот? Или, возможно, следует говорить о более тесном контакте даже в понятиях *histoire croisée*?

Прием заявок

Рабочие языки - конференции русский и французский, с обеспечением синхронного перевода.

Заявки на участие, содержащие в себе название и тезисы доклада (500 слов) и CV просим направлять **не позднее 15 марта 2019 года** Др. Екатерине Махотиной по адресу: emakhotina@uni-bonn.de

О результатах будет объявлено в апреле 2019 года. Чтобы обеспечить возможность общего обсуждения участники должны будут представить тексты своих докладов (не более 20 минут) переводчикам заранее, до 15 июля 2019 года с резюме на английском языке (1 страница).

Библиография

- **Akelyev**, Evgeny, *Povsednevnaia zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina*, Moscow, 2012 (Der Alltag der kriminellen Lebenswelten Moskaus in Zeiten von Vanka Kain).
- **Bretschneider**, Falk, **Claustre**, Julie, **Heullant-Donat**, Isabelle et **Lusset**, Elisabeth, *Le cloître et la prison – les espaces de l'enfermement*. Webdocumentaire (<http://cloitreprison.fr/>).
- **Bretschneider**, Falk, *Gefangene Gesellschaft. Eine Geschichte der Einsperrung in Sachsen vom 18. bis zum 19. Jahrhundert*, Constance, 2008.
- **Finzsch** Norbert et Robert **Jutte** (dir.), *Institutions of Confinement: Hospitals, Asylums, and Prisons in Western Europe and North America, 1500-1950*, Cambridge University Press, 1996.
- **Foucault**, Michel, *Histoire de la folie à l'âge classique*, Paris, 1972.
- **Frevert**, Ute, *Die Politik der Demütigung. Schauplätze von Macht und Ohnmacht*, Frankfurt/M., 2017. (La politique de l'humiliation. Lieux de pouvoir et d'impuissance).
- **Goffman**, Erving, *Asylums. Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*, New York, 1961.
- **Heullant-Donat**, Isabelle, **Claustre**, Julie et **Lusset**, Elisabeth (dir.), *Enfermements. Le cloître et la prison (Ve-XVIIIe siècles)*, Paris, 2011.
- **Kollmann**, Nancy Shields, *By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia*, Cornell UP, 1999.
- **Lusset**, Elisabeth, *Crime, châtement et grâce dans les monastères au Moyen Âge (XIIe-XVe siècle)*, Turnhout, Brepols, 2017.
- **Pavlushkov**, Alexander, *Karatel'no-ispravitel'naja sistema Russkoj pravoslavnoj cerkvi v imperskij period*. Vologda, 2013 (Die strafend-bessernde System der Russisch-Orthodoxen Kirche in Zeiten des Imperiums).
- **Rowbotham**, Judith, **Muravyeva**, Marianna, **David Nash**, *Shame, Blame and Culpability. Crime and Violence in the Modern State*, Routledge, 2013.
- **Shalyapin**, Serguei, *Cerkovno-penintenciarnaja sistema v Rossii 15-18 vekov*, Arkhagelsk, 2013 (Das Kirchlich-strafrechtliche System in Russland im 15.-18. Jahrhundert.).
- **Treiber**, Hubert et Heinz **Steinert**, *Die Fabrikation des zuverlässigen Menschen. Über die « Wahlverwandtschaft » von Kloster- und Fabrikdisziplin*, Münster, 2005.
- **Weiß**, Alfred Stefan, **Martin Scheutz**, **Arthur Brunhart** et **Gerhard Ammerer**, *Orte der Verwahrung. Die innere Organisation von Gefängnissen, Hospitälern und Klöstern seit dem Spätmittelalter*, Leipzig, 2010.